

Содержание

Дальше и дальше.....	4
Зимовье грачей.....	20
Первоклассники и ≤ж-ж-ж≥.....	56
Тундундун.....	83

Дальше и дальше

— Как поживаешь, Барсук? — спрашивал себя Барсук по утрам, глядя в осколок зеркала.

— Очень хорошо! — отвечал себе Барсук и поглаживал серое брюшко.

Барсук и впрямь поживал хорошо. Без лишней скромности он считал, что у него самая уютная и большая нора в лесу. Каждый, кто приходил в гости к Барсуку, не мог сдержать свиста (если в нору залетал дрозд), ф-ф-фырка (если забегал ёж) или р-р-рыка (если голову в нору просовывал медведь) зависти.

Завидовать и правда было чему.

Начнём с того, что Барсук был настоящим лесным аристократом. Нора ему досталась от очень благородных родителей-барсуков,

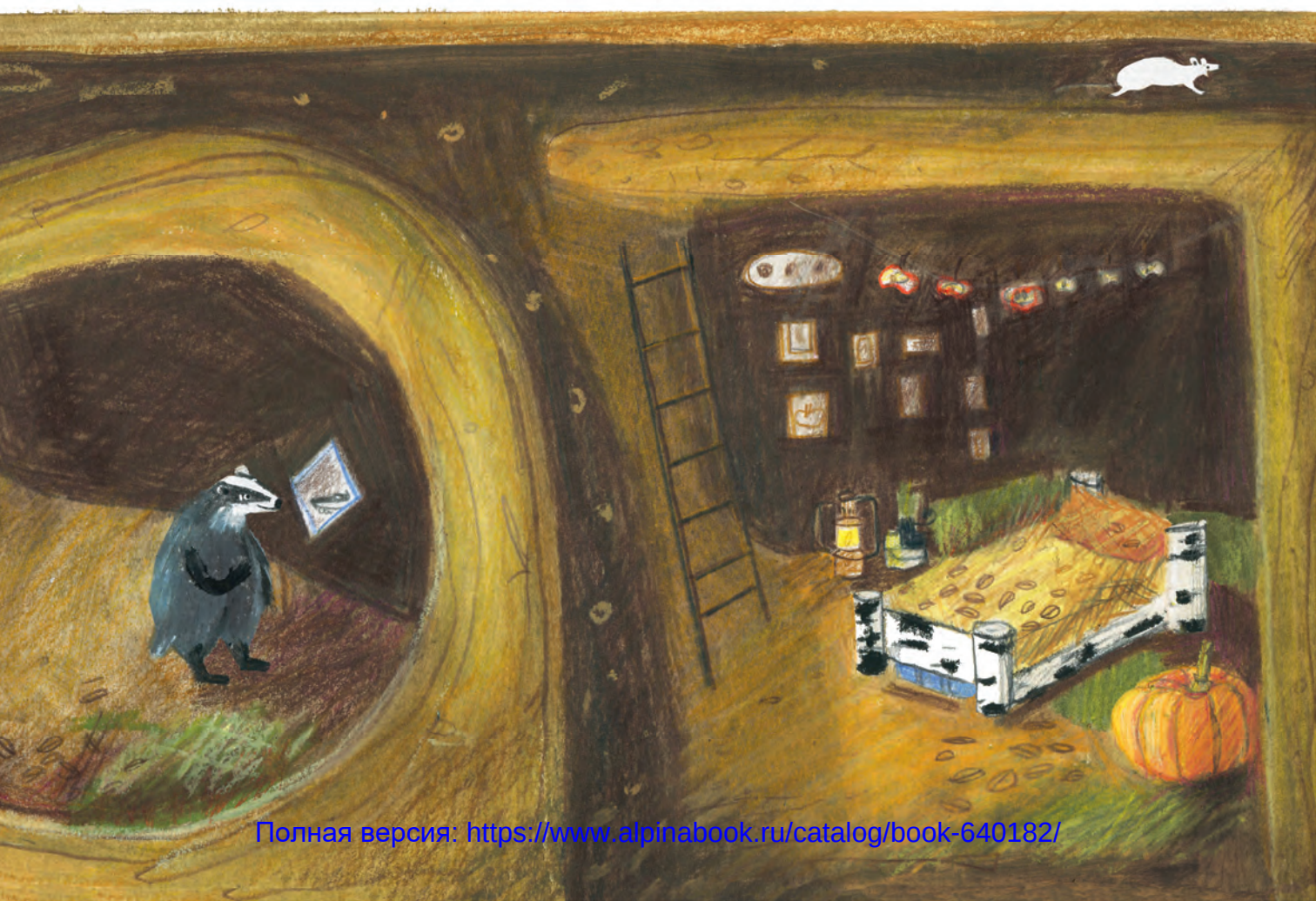
а тем от их очень-очень благородных родителей-барсуков, а тем, в свою очередь, от их невероятно благородных родителей-барсуков, которые в те далекие незапамятные времена и выкопали эту нору.

Во-вторых, нора была у Барсука просторная, с длинными коридорами и несколькими комнатами. В комнатах хранилось множество важных и нужных вещей. В маленькой круглой комнате стоял выструганный из пенька резной стул, которому было без малого сто лет. Сидели на нём ещё основатели барсучиной династии! Правда, теперь стул был настолько ветхий, что спинка его рассохлась, а ножки погнулись. Там же на полках хранились

прозрачные цветные стёклышки — фамильные драгоценности. В маленькой квадратной комнате были полезные вещи. Например, ведро без ручки, большой синий сапог или дырявая соломенная шляпа. И ещё поломанные часы с деревянной кукушкой. В большой круглой комнате было пусто и только висел осколок зеркала, в который каждый день смотрелся Барсук. В большой квадратной комнате расположилась барсучья спальня: с мягкой кроватью и тёплой периной.

И, конечно, все завидовали благородной внешности Барсука. Полоски на его морде были исключительно ровные, кипельно-белые и внешности Барсука придавали величия и достоинства.

Больше всего Барсук любил степенно прогуливаться по лесу и раздавать ценные советы другим зверям.

Зайцу он советовал никуда не торопиться.

— Ты, Заяц, слишком много суетишься. Сядь, посиди на пеньке, подумай о жизни.

Волку рекомендовал заняться физкультурой.

— Ты, Волк, сутулишься сильно, тебе надо зарядку делать. Следить за здоровьем нужно!

Больше всего Барсук переживал за нехозяйственную Белку:

— Ты, Белка, кедровые орехи неправильно прячешь. Ты их закапываешь где ни попадя, а потом найти не можешь. Закапывай только под ёлками. Так не потеряешь.

Иногда звери прислушивались к советам Барсука. Заяц на минуту застыл в попытке никуда не бежать. Волк начинал размахивать лапами и приседать. А Белка послушно прятала орехи под ёлкой. Правда, длилось это недолго. Совсем скоро Заяц быстро-быстро упрыгивал

в чашу, Волк ссутулившись садился на опавшую листву и начинал в задумчивости подвывать, а Белка принималась разбрасывать орехи по всему лесу.

Как-то раз Барсук неспеша шел по лесной тропинке. Внезапно вдалеке раздался непривычный шум.

— Бах!

— Бум!

— И-и-и-и-и-и!

— Бам!

— Уауауау!

Остановился Барсук. Что такое, думает. Вдруг слышит пение:

*Лес большой ты и зелёный,
Мы поём без передышки,
Днём и ночью: вязы, клёны,
Сосны, ели, пихты, шишки!*

Вышел с опушки оркестр бродячих музыкантов! Хорьки в бубны бьют. Ежи на дудках играют. Выпь подывает. В центре солист-енот заливается:

*Лес прохладный и тенистый,
Мухоморы и опята,
Эй, лиса, паук и птица,
Запевай смелей, ребята!*

Окружили музыканты Барсука, прыгают, поют,
стучат, гремят, свистят. Хотел было Барсук
прогнать всех — всё-таки несерьёзно это
выглядит. Да что-то остановило. Запры-
гало сердце, и почему-то стало весело.
Не заметил сам, как начал пританцо-
вывать. А Енот продолжает:

*Заплетается тропинка,
Убегает далеко,
И всё дальше, дальше, дальше
Мы уходим, нам легко.*

Попрыгали вокруг Барсука музыканты и дальше пошли. Барсук постоял немного, посмотрел им вслед. Сказал для приличия: — Ерунда какая!

И пошёл дальше. Но короткий хвост его пританцовывал весь день.

Вечером, когда Барсук уже собирался ложиться спать, внутри у него снова заиграла бродячая музыка, и ему вдруг нестерпимо захотелось подышать ночным летним воздухом. Вышел Барсук, присел на брёвнышке. Смотрит — напротив глаза светятся. Пригляделся, а это Енот-певец на пенёчке сидит, на гитарке с тремя струнами поигрывает.

— Добрый вечер! — сказал Барсук.

— Добрый вечер! — ответил Енот.

— А чем это ты тут занят?

— Я наблюдаю за большим миром, созерцая звёздное небо.

— Хм, — задумался Барсук. — А что такое большой мир?

— Большой мир — это то, что над лесом. Большой мир — это то, что за лесом.

— Ты хочешь сказать, что лес где-то заканчивается?

— Конечно!

— Какая глупость! — рассердился Барсук. — Лес не может закончиться!

— Но... — начал Енот, но не успел ничего сказать. Барсук вскочил и в расстроенных чувствах утопал к себе в нору.

Прибежал Барсук домой, дверью хлопнул. Смотрит в осколок зеркала — сам себя не узнаёт. Глаза сверкают, уши ходуном ходят, ноздри раздуваются. Как это — лес где-то заканчивается!

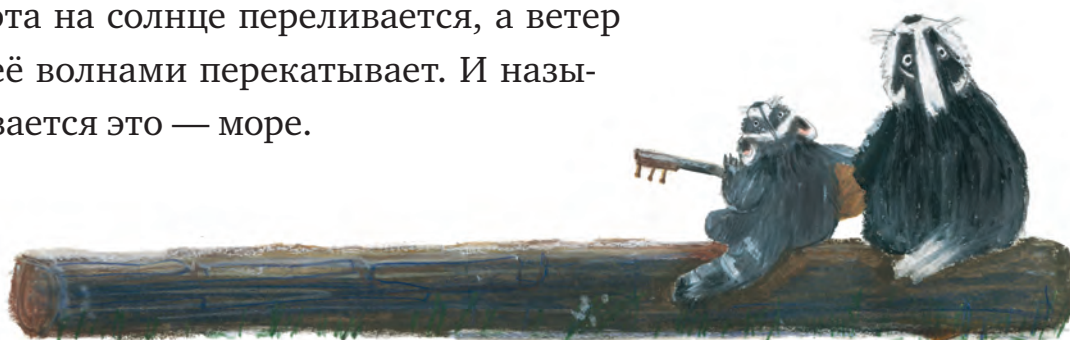

Целую ночь Барсук заснуть не мог, всё думал.

Утром снова встретил Барсук Енота.

— Что ты там вчера говорил про конец леса? — угрюмо спросил Барсук.

— Что если идти долго-долго, то рано или поздно лес закончится и наступит поле бесконечное и полное диковинных трав и цветов. Или песка будет видимо-невидимо — целые горы, и звери будут ходить чудные и странные. А потом увидишь ты бескрайнее небо и много воды — синей-пресиней, солёной-пресолёной. Вода эта на солнце переливается, а ветер её волнами перекачивает. И называется это — море.

— Море ... — повторил Барсук. —

А откуда ты это знаешь?

— Рассказывают.

— Значит, сам ты его никогда не видел, это море?

— Нет. Но мы с оркестром всю жизнь странствуем, идём к нему. Так и сюда пришли.

Целый день ходил Барсук в задумчивости. Советов не раздавал, а на Белку по рассеянности чуть не наступил. А потом и вовсе посоветовал ей какую-то ерунду — брось, говорит, свои орехи, а лучше иди и песню сочини. Белка так и застыла в растерянности с орехом в лапках.

Ночью Барсук опять не спал. Всё думал. Вспоминал свою жизнь. Думал он, что вот — прожил он много лет возле норы, а больше всего в норе. Считал Барсук, что жил он правильно, степенно, и гордился накопленным добром. Представлял, что лес везде,

а оказывается, есть что-то другое, чего Барсук никогда не видел. Пошёл Барсук в комнаты, потрогал, рассмотрел в сотый раз свои богатства — и не принесли они ему радости.

Как это — бескрайнее небо?

Как это — солёная-пресолёная вода?

Как это — ветер перекатывает волны?

К утру ужасно захотелось барсуку увидеть это самое море.

— И что же, — спросил Барсук на следующий день, — когда вы отправитесь дальше? Я хочу пойти с вами.

— А мы никуда дальше не пойдём, дружище, — ответил Енот. — Старый я стал, а без меня оркестр не хочет дальше идти. Решили мы здесь остаться навсегда.

Опечалился Барсук и снова задумался. А потом и говорит:

— Оставайтесь в моей норе жить. А я отправлюсь на поиски моря.

— Ты очень добрый, Барсук, — сказал Енот. — Не случайно мы с тобой так похожи.

— Чем это мы похожи? — удивился Барсук.

— Как это чем? И тебя, и меня полосы украшают!

— Вообще-то, — сказал Барсук, — две тёмные полосы на барсучьей морде — предупреждение, что перед тобой свирепый и сильный зверь.

— Вообще-то, — сказал Енот, — белая и чёрная полосы на енотовой морде даны ему для красоты и обаяния.

Барсук снова задумался.

— Возьми тогда с собой нашу птичку-овсянку, — продолжил Енот. — Она тебя песням нашим научит, и будет тебе с ней не скучно странствовать.

Тут прилетела птичка маленькая и серая и села Барсуку на голову.

Дома Барсук долго смотрел на себя в осколок зеркала и разглядывал свои благородные полосы.

— Может, и мне полосы даны для красоты и обаяния? — спросил себя Барсук.

— Пожалуй, что так, — ответил себе Барсук.

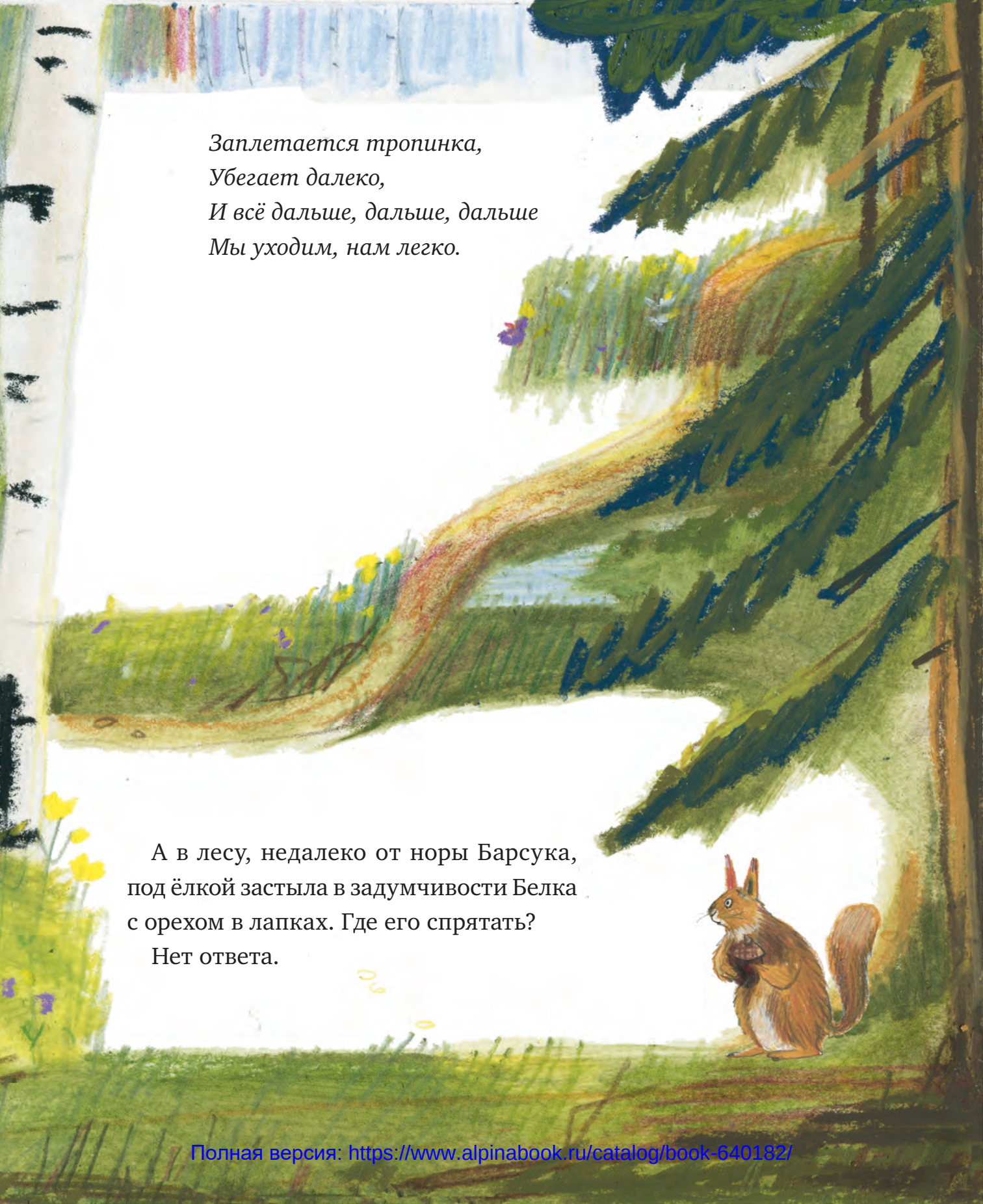
И стало Барсуку от этого радостно.

Взял на следующее утро Барсук с собой в котомку осколок зеркала, надел соломенную шляпу, а на плечо посадил птичку-овсянку. Так они и пошли. А в норе его поселился бродячий оркестр. В маленькой круглой комнате хорьки, в маленькой квадратной комнате — ежи. В большой круглой комнате — Выпь. А в спальне — Енот.

Где-то далеко-далеко идёт Барсук и ждёт, когда появится море. Проходит опушки и полянки, ельники и берёзовые рощицы, преодолевает болотца и холмы. Состарился Барсук, и полосы его стали серыми от пыли и грязи. Уже тяжело идти Барсуку, и опирается он на палку. И на плече у него сидит Овсянка. А моря всё не видно.

Но всё ещё громко звучит песня Барсука и Овсянки.
И звучит песня над полем длинным.
И звучит песня над пустыней.
И звучит песня по горам и холмам.
Снова и снова:

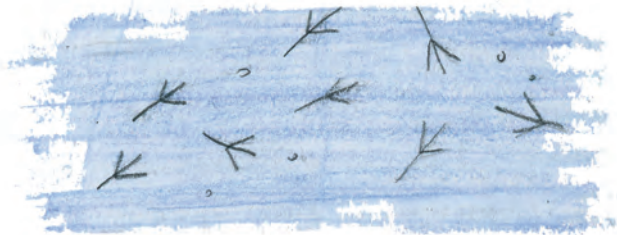

Заплетается тропинка,
Убегает далеко,
И всё дальше, дальше, дальше
Мы уходим, нам легко.

А в лесу, недалеко от норы Барсука,
под ёлкой застыла в задумчивости Белка
с орехом в лапках. Где его спрятать?
Нет ответа.

Зимовье грачей

Прз бзт

— Я вам говорю, — каркнул Чёрный, — от него пахнет булкой за километр. Прибавьте шаг!

— Может быть, тебе показалось! Тебе вечно что-то мерещится, — ответил Галилей.

— Кар! Давайте я подлечу и сяду ему на голову? Тогда он остановится, — предложил Сизый.

— Тогда давай ты ещё клюнешь его в затылок? — продолжил Чёрный.

— А что — можно? — каркнул Сизый.

— Конечно, нет! Ты хочешь, чтобы на нас объявили облаву? Не знаешь, что было с грачами в Выборге? Напишут в своих бумагах, как их там...

— Газетах, — подсказал Галилей.

— Вот, газетах. Эпидемия! Птицы сошли с ума! Птичий грипп, птичье бешенство и прочее птичье безумие. И дальше по накатанной: бороться с птицами! Убрать всех из города!

— Ладно, ладно, я понял! Хотя от голубей можно было бы и правда избавиться. Больно глупые. Трэ бэт, как Аргеша говорит.

— Отставить французский! Трэ бэт! Тоже мне, француз! Как ты мне надоел! — взвился Чёрный. — Ага! Зрение меня не подводит, как и нюх! Вон, булка торчит из кармана.

Птицы шли за человеком по льду Фонтанки уже добрых двадцать минут. Лёд был крепкий, припорошенный снегом, и по нему иногда разгуливали люди. Человек в пальто шагал медленно, заложив руки за спину и всё время что-то высматривая в снегу.

— С чего ты вообще взял, что булка окажется у нас?

— У меня предчувствие. Оно меня никогда не обманывало. Он точно её выронит.

— Точно, не точно... Вчера мы два квартала тащились за старушкой, а она дошла до двора и высыпала весь свой мешок с крошками и семечками воробьям! — заворчал Сизый.

— А как она на нас раскричалась, когда мы подошли и попытались угоститься! Кыш отсюда! Пусть воробушки поедят, бедные детушки! — стал вспоминать Галилей.

— Как будто мы коршуны какие, а не грачи.

— Она, наверное, думает, что воробьи — это дети голубей. Ха!

— Господа! — каркнул Аргентий, который всю дорогу до этого молчал. — Я заметил одну необычную вещь. Этот месье ходит по льду кругами. Мы уже видели этот мост. Причём два раза.

Преследуемый резко остановился, тяжело вздохнул и посмотрел вверх. Четыре грача подобрались ближе.

